

Иво Поспишил (Брно, Чешская Республика)

**Валентин Распутин глазами чехов
(Портрет и вокруг: несколько штрихов)**

Посвящается Камилу Хробаку (1947–1993), переводчику с русского, редактировавшему в издательстве Одеон в 70-е и 80-е годы XX века русских поэтов рубежа XIX–XX веков и советскую многонациональную литературу

Аннотация: Автор настоящей статьи анализирует особенности восприятия творчества Валентина Распутина в чешской среде в контексте рецепции русской литературы в целом и русской советской в особенности. В статье рассматриваются переводы прозы Распутина и критические отзывы о нем, подчеркиваются коренные различия поэтологических истоков обеих литератур и обусловенность восприятия творчества русского прозаика спецификой чешской художественной традиции, которая в некоторых аспектах соотносима с русской деревенской прозой, и это могло бы способствовать более глубокому и адекватному восприятию творчества Распутина.

Ключевые слова: чешская рецепция В. Распутина, контекст рецепции русской и русской советской литературы, образование рецепционной основы, переводческая теория и практика

Ivo Pospíšil (Brno, Czech Republic)

**Valentin Rasputin through the Eyes of the Czechs
(Portrait and Around: A Few Thoughts)**

Abstract: Despite the fact that the reception by the Czech of Russian literature in general and Soviet literature in particular have been quite uneasy, the Czech literary reception tradition is largely in accord with the spirit of Russian village prose, notwithstanding some deep-rooted differences in the poetological origins of the literatures in question. The article discusses theoretical and practical issues of translating V. Rasputin's prose into Czech and critical responses to the translations, it displays Valentin Rasputin's views and their reception by the Czech and argues that with their rich reception traditions in terms of village prose the Czech have every chance to better grasp the essence of Rasputin's prose.

Key words: the Czech reception of Valentin Rasputin, context of the reception of Russian and Russian Soviet literature, formation of the reception basis, theory and practice of translation

Настоящее краткое размышление не претендует на полноту изложения; это скорее совокупность рефлексий, связанных с опытом очевидца, который с 1970-х гг. следил за распутинскими произведениями, находя в них суть того, что за рубежом и в чешской среде в особенности считалось и до определенной степени до сих пор считается ядром русских литературных шедевров, т. е. описательность, характерология, внутренняя, открытая или полускрытая этическая тенденция, злободневность, постоянное беспокойство, вечное недовольство, сомнения, недостаток юмора, преобладание сатиры и сарказма. Уже с самого начала было понятно, что Валентин Распутин (1937–2015) относится к числу консервативно настроенных русских советских авторов, хотя причислить его к «деревенщикам» можно лишь условно.

Для рецепции любого литературного феномена необходима подготовленная воспринимая среда, т. е. определенные социально-эстетические качества отечественной литературы. В случае чешской культурной среды следует отметить глубокую традицию восприятия русской классики, советского авангарда и литературы 1930–1970-х гг. – странной смеси реалистической поэтики и элементов модернизма. С этой точки зрения чехи воспринимали прозу Валентина Распутина скорее как экзот, а в котором воплотилась специфика русской традиции: слабая сюжетность (хотя и в русской литературе были волны или структурные пласты, основанные на остросюжетности, в том числе программно обозначенные в русской советской литературе 1920-х гг.), подспудная напряженность, скрытый драматизм, острые этические конфликты. Аналогично складывалась рецепционная ситуация и в других странах, где критические рефлексии так же малочисленны. Среди них видное место занимает книга британского русиста Роберта Портера, содержащая также литературный портрет В. Распутина, и сравнительно новая книга польской исследовательницы о деревенской прозе¹.

В переводе на чешский произведения Валентина Распутина публиковались в ныне не существующем издательстве «Lidové nakladatelství» (бывшем издательском доме «Svět sovětů»), которое сосредоточивалось главным образом на издании советской литературы – не только русской, но и других национальных литератур СССР. Произведения советской литературы печатали и другие издательства, самое престижное тогда среди них – «Одеон», в котором с определенного момента, где с начала 1980-х гг. издавалась советская многонациональная литература, как она тогда называлась (в СССР трибуной ее был «толстый» журнал «Дружба народов»): грузинская, армянская, эстонская (переводчики Надежда Слабигудова и Владимир Мацура), а также стран Балтии, бывшей советской Центральной Азии, Сибири и т. д. Ключевым лицом в этом процессе стал редактор издательства «Одеон» Камил Хробак, выпускник Университета им. Палацкого в г. Оломоуц, безвременно скончавшийся в трудное время начала 1990-х гг., а ныне почти забытый, мой друг, памяти которого я и посвятил настоящее размышление².

В Чехии монополию на переводы Распутина держала Дагмар Шлампова, переводчица и других русских авторов, в том числе некоторых по-русски написанных прозаических сочинений Чингиза Айтматова, а также книг для детей. Она с самого начала

¹ Porter R. *Four Contemporary Russian Writers*. Oxford; New York; Munich: Berg Publishers, 1989. См. нашу рецензию: *Čtyři podobizny // Čs. rusistika*. 1990. № 5. S. 288–291. Книга Портера содержит портреты Валентина Распутина, Чингиза Айтматова, Владимира Войновича и Георгия Владимова; *Kramarska D.* Русская деревенская проза второй половины XX века // *Litteraria Sedlcensia / Redaktor naukowy Danuta Szymonik. Volumen IX. Colloquia, Studia Minora*. Siedlce: Wydawnictwo IKR[i]BL, 2015. См. нашу рецензию: *Ruská sovětská vesnická próza: jeden úhel pohledu // Novaja rusistika*. 2016. № 1. S. 71–74.

² Чешские издания Валентина Распутина: *Rasputin V. Penize pro Marii (Posledni lhůta. Penize pro Marii) / Přel.*

искала оригинальные подходы к автору, его языку и стилю. Однако иногда меньше меньше не значит лучше. Это и случай с переводом когда-то нашумевшей повести «Прощание с Матерой» (1976), название которой переведено как «Loučení», т. е. только «Прощание» (нередко используемый прием деконкретизации). Иногда утрата или ослабление семантической конкретики не особенно важны, но бывает и наоборот. В нашем случае могла бы помочь близость обоих языков (корень «мать»), но для достижения желаемого эффекта не стоило сокращать название в переводе. Менее удачным был перевод речей персонажей повести – старух, говорящих на особом диалекте. Переводчица избрала какую-то странную смесь моравских говоров и общечешского языка (в чешском языке три варианта: литературный, общечешский и диалекты; последние перманентно ослабевают под давлением общечешского; в этом отличие чешского языка от словацкого, например, в котором нет общего варианта, который по-немецки называется «Umgangssprache»). Однако соединение с моравскими говорами или включение отдельных словечек в общечешский, основанный на центрально-чешских говорах, которые с половины XIX в. интенсивно проникали в Прагу, становясь ведущими и вытесняя чешскую городскую речь, формировавшуюся под сильным влиянием немецких и еврейских говоров, – выглядит неорганично, нереалистично, неправдоподобно. Этот прием, надо признать, может положительно восприниматься жителями чешской столицы, но только из-за незнания ими диалектов. Однако как вообще перевести сибирский диалект с русского на чешский, чтобы передать его архаичность, изолированность, историчность, соответствующие признакам уходящего мира? Здесь возможны два пути: или прибегнуть к диалекту тотально, что предполагает его совершенное знание, или оставить в нейтральной полосе чешскую «Umgangssprache», которая в большинстве случаев не ослабляет характер доминантного сообщения.

Барьером для чешского читателя, обращавшегося к произведениям русских писателей консервативного лагеря, оказывались длинноты, растянутые описания, чрезвычайно подробные характеристики персонажей, отсутствие внешних конфликтов, ослабленный сюжет, превалирование этической проблематики, наличие моральных дилемм. Вследствие этого пражским редакторам и переводчикам приходилось иногда сокращать текст без учета того, что все эти длинноты и растянутости выполняют особую эстетическую функцию, имеют художественную ценность. В советской многонациональной литературе этого времени искали скорее одностороннюю критику советского режима, его несоответствие новым историческим реалиям. И Распутин воспринимали как критика советской системы, хотя его претензии к режиму имели более сложные основания, иные идейные предпосылки, отличные от тех, на которые ориентировались в чешской среде.

Распутин пришел к чешскому читателю в то странное время, когда советская литература рассматривалась только как орудие критики советской системы, а значит, и тогдашней чехословацкой, что, наверное, диктовало слишком упрощенный подход к восприятию этого феномена советской литературы. В потоке советской литературы предпочтение отдавалось произведениям критической направленности, т. е. тем, которые могли быть использованы в качестве скрытой критики чехословацкой ситуации. Хорошо помню, как однажды зимним воскресным утром приехал ко мне на квартиру один знакомый редактор, который вместе с коллегами

Dagmar Šlampová. Praha: Lidové nakladatelství 1974; *Rasputin V. Žij a nezapomínej* / Přel. Dagmar Šlampová; *Doslov V. Novotný: Život do posledního dechu*. Praha: Odeon, 1978. *Doslov V. Loučení* / Přel. Dagmar Šlampová. Praha: Lidové nakladatelství, 1980. *Doslov V. Poslední lhůta. Loučení* / Přel. Dagmar Šlampová. Praha: Lidové nakladatelství, 1981. *Doslov V. Poslední lhůta. Žij a nezapomínej. Loučení*. Praha: Odeon, 1984. *Doslov V. Požár* / Přel. Dagmar Šlampová. Praha: Lidové nakladatelství 1987; 2. vyd. Praha: LN, 1989.

вел переговоры с партийными органами о возобновлении литературного журнала. В 1985 г. вышел только его нулевой – экспериментальный – номер, а возобновить издание журнала удалось лишь после ноябрьских событий 1989 г. Мой знакомый настаивал на том, чтобы я написал нечто вроде хвалебной оды советской литературной критике в противовес «кроткому» чешскому варианту; с другой стороны, и сам советский материал как таковой служил своего рода идейной защитой издания. Статейка в журнале наконец-то появилась. (Любая отрицательная или не вполне положительная рецензия на произведения ряда советских писателей, которые считались критиками советского режима, хотя в СССР они были удостоены Ордена Ленина, воспринималась с недовольством.) Когда я, например, дал негативную оценку роману Чингиза Айтматова «Плаха», редакция журнала «Světová literatura» решила дополнить ее пеаном видного советского критика. Критическое отношение к писателям, которые считались в чешской среде противниками советской системы, воспринималось как выражение полного согласия с этой системой.

Когда Валентин Распутин посетил в первой половине 1980-х гг. бывшую Чехословакию, в том числе и Брно, была организована встреча с ним в здании Генерального консульства СССР. Приглашены были только близкие к официозу лица: функционеры, члены писательского союза и т. д. Оказались там и двое моих знакомых, которые на ломаном русском вели с Распутиным разговор, между прочим, о категории защищенности, уверенности с точки зрения существования человека (по-чешски «jistota»), однако он понимал это чешское слово как «истина». Они записали весь разговор на магнитофонную пленку; потом беседу расшифровывал я, а позже текст передали для корректуры коллеге, советской гражданке. Никакого откровения не получилось.

Иначе говоря, нельзя воспринимать чешскую рецепцию Валентина Распутина вне контекста чешских реалий того времени: восприятие творчества этого писателя определялось в том числе отношением к советской (главным образом, русской) литературе вообще. Все это отразилось и в моем ретроспективном томе, имеющем характерное название «Spálená křídla» – в русском переводе «Сожженные крылья»; о нем, впрочем, в чешской печати не писали¹.

На восприятие советской литературы в предперестроечное время влияла деятельность русской эмиграции рубежа 1970–1980-х гг., связанная в том числе с аферой альманаха «Метрополь» (1979). Так, например, серьезная книга Владимира Новотного «Ответственность творчества», в которой речь шла, кстати говоря, о романе Василия Аксенова «Поиски жанра» (написан в 1972, опубликован в жур-

¹ *Pospíšil I. Spálená křídla. Malý průvodce po české recepci ruské prózy 70. a 80. let 20. století. Brno: Masarykova univerzita, 1998.* Примерно до начала 1990-х гг. я систематически следил за русской советской литературой, появившейся на страницах советских толстых журналов в чешских газетах и других периодических изданиях в форме рецензий, обзорных статей и послесловий к чешским изданиям, главным образом «Световая литература», «Творба» и «Кмен»; см., например, Trnitá cesta k zralému lidství (Ч. Айтматов. И дольше века длится день, 1980) // Světová literatura. 1981. № 5; Touha po románu: Ajtmatovovo Popraviště (Č. Ajtmatov. Placha, 1986). Kmen 1986, № 50; Problémovost a problematičnost psychologické prózy (В. Тендряков: Шестьдесят свечей, 1980) // Světová literatura. 1981. № 4. S. 232–233; Odpovědnost za člověka a svět. Poznámky o sovětské próze posledních let // Světová literatura. 1982. № 4. S. 209–223; Zákruhy života (Ю. Трифонов: Время и место. Опрокинутый дом, 1981) // Světová literatura. 1982. № 2. S. 115–116; Idyla jako výzva a varování (В. Белов: Лад. Очерки о народной эстетике, 1981) // Světová literatura. 1982. № 2. S. 228–230; Bolestivé otvírání očí (В. Солоухин: Продолжение времени, 1982) // Světová literatura. 1982. Č. 6; Povídka: nová poetika, staré problémy // Světová literatura. 1983. Č. 1. S. 235–237; Poetika kontrastu aneb moldavský Walter Scott (Ion Druță: Белая церковь). Recenze // Světová literatura. 1983.

нале «Новый мир» в 1978 г.), была отправлена в макулатуру, а в новом издании появилась уже без упоминания В. Аксенова¹.

Валентину Распутину, хотя в чешской среде его часто читали и еще чаще говорили о нем, не очень везло: обзоры его творчества, статьи или рецензии, – пожалуй, кроме обзорных дипломных работ, обычно о деревенской прозе или о русской повести, – ограничивались, за редким исключением, отдельными фразами и поверхностными наблюдениями, пересказом сюжета и указанием на критические моменты в содержании его произведений. Таким образом, отклики на его творчество представляли собой неглубокую характеристику ключевых для него тем и мотивов. Деревенская проза, в контексте которой его творчество часто рассматривалось, воспринималась поверхностно, без попытки понять ее суть, в то время как она, наряду с другими феноменами, стала одним из многих парадоксальных явлений брежневского периода советской истории, названного М. Горбачевым в 1980-е гг. «периодом застоя»: проза Распутина представляла собой попытку вернуться к истокам национального сознания и с этих позиций критиковать современность и «западничество» советской системы в отдельных ее аспектах, что было продолжено писателем в перестроечные и постперестроечные годы.

Проза Валентина Распутина зачастую противоречит чешской эстетической традиции; поэтика его произведений, своеобразные композиционные приемы не способствовали созданию переводов, которые воспринимались бы чешским читателем адекватно. Оставляя всё это в стороне, переводчики сосредотачивались на особенностях живого диалога персонажей, стараясь передать диалектные особенности их речи, особенно в случае с «Прощанием с Матерой». Или же подчеркивали экзотические для чешского читателя советские или специфически русские реалии. Так, читателя «Денег для Марии» поражала бедность деревенских жителей, социальное неравенство, что противоречило официальной пропаганде; конфликт поколений, аморализм, несмотря на продекларированные высокие духовные качества советского человека. Происходящие в советской действительности процессы, обусловленные всеобщим нравственным упадком, распадом системы и девальвацией нравственных ценностей, нашли отражение в его повести «Пожар».

№ 2. S. 244–245; Nový Valentin Rasputin: rozcestí únavy a oživení // Světová literatura. 1983. № 11. S. 165–168; Diletanti doby (Б. Окуджава: Путешествие дилетантов, 1983) // Kmen. 1983. № 29; Tvar a funkce metarománu // Světová literatura. 1984. № 3. S. 251–253; Rozkoš z vyprávění a úskalí fabulace (В. Каверин: Наука расставания, 1983) // Světová literatura. 1984. № 4. S. 238–239; Labyrint světa a ráj srdce v atomovém věku (А. Приставкин: Городок, 1983) // Světová literatura. 1984. № 1. S. 236–238; Nedat zhořknout bylině lidského žití (Ю. Бондарев. Игра, 1985) // Světová literatura. 1985. № 5. S. 236–238; Na nové cestě (В. Распутин: Пожар, 1985) // Kmen. 1985. № 41. S. VIII; Na průsečíku civilizací (Ю. Рытхэу: Магические числа, 1985) // Světová literatura. 1986. № 5. S. 234–236; Duše a svět hrdiny naší doby (А. Битов: Пушкинский дом, 1987) // Světová literatura. 1988. № 5. S. 226–229; Román o vzdoru duše (Ю. Домбровский: Факультет ненужных вещей, 1988) // Světová literatura. 1989. № 5. S. 240–241. Ďábelský kruh života (Г. Семенов: Чертово колесо, 1988) // Světová literatura. 1989. № 2. S. 236–237; Naděje obnovy. Послесловие к: *Kašafutdinov Ilja*. Favoritův den. Praha, 1985. S. 109–114; Čas a místo v labyrintu paměti. Послесловие к: *Trifonov J.* Zmizení. Praha, 1989. S. 375–380; Odpůrce nehybnosti. Послесловие к: *Těndrjakov V.* Čisté vody Kitěže. Praha, 1988. S. 135–142; Dráha života. Послесловие к: *Šukšín V.* Červená kalina a jiné povídky. Praha, 1987. S. 216–222; Úspěch a lítost osamělého běžce. Послесловие к: *Molčanov A.* Superman. Praha, 1987. S. 305–309.

¹ *Novotný V.* Odpovědnost tvorby. Mozaika sovětské literární současnosti / Послесл.: Мирослав Заградка. Praha: Mladá fronta, 1979; *Novotný V.* Odpovědnost tvorby. Mozaika sovětské literární současnosti / Послесл.: Мирослав Заградка. Praha: Mladá fronta, 1983. После 1989 г. автор вернулся к русистике в книге «Eseje o ruských spisovatelích» (Praha: Cherm, 2006).

Но такая тематика и идейная направленность творчества Распутина не способствовала укреплению интереса к его творчеству в иноязычной среде, угасание которого у чешского читателя началось уже в 1990-е гг.

После «бархатной революции» 1989 г. в Чехии восторжествовал прагматизм, на фоне интеграции в Евросоюз усилились космополитические тенденции, нередко происходил радикальный пересмотр исторических событий прошлого, – и Распутин, с его идеей возврата к национальным истокам, враждебной постулатам русских западников (здесь приходит на память конфликт между славянофилами и западниками в России в XIX в.), остался не у дел.

Оживлению интереса к распутинскому наследию в чешской среде может способствовать исследование жанровых особенностей его произведений, стилистического и лексического их своеобразия, затрагиваемой писателем идеологической проблематики и того, что всегда привлекает внимание зарубежного читателя: связь его текстов с русской традицией «идеологической беседы»; диалоги, изобилующие намеками и аллюзиями; сказовые элементы, вклинивающиеся в ткань повествования, которое ведется от третьего лица; структура описаний; особенности конструирования литературного персонажа по принципу «объективации авторского субъекта», – иными словами, все то, что позволит представить во всей полноте предлагаемую писателем сложную иерархию ценностей.

Чтобы по-настоящему понять Валентина Распутина, чтобы пробудить интерес к его творчеству, которое прежде привлекало внимание чешских читателей, необходимо новое издание его сочинений, качественные переводы, продуманный отбор интересных чешскому читателю произведений, содержательные и серьезные комментарии. Без выполнения этих условий не удастся достигнуть того уровня интереса к русской литературе, который был у нас в XIX и в первой половине XX в., когда русское искусство, русская литература воспринимались как явление самобытное, к которому, для того чтобы проникнуть в его суть, необходимо подойти вплотную и увидеть в этом неординарном феномене как связь с собственной культурной традицией, так и расхождения с ней. Это, однако, предполагает и напряженные поиски в современной чешской литературе и в литературе прежних эпох похожих произведений. Стоило бы, например, обратиться к чешской деревенской литературе XIX в., более современному рурализму, связанному, как правило, с католичеством, к тем литературным текстам, в которых доминантными становятся этические, религиозные мотивы, где в центре внимания проблема духовности, пусть и представлены они иначе, чем в русской литературе, – все это поможет чешскому читателю лучше понять прозу Распутина. Но до этого пока еще далеко.

Сведения об авторе:

Поспишил Иво,
докт. филол. наук
профессор
Институт славяноведения
Университет им. Т.Г. Масарика

Ivo Pospíšil,
PhD
Professor
Institute of Slavic Studies
University of TG Masaryk